

Стихи Омара Хайяма о религии

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Стихи Омара Хайяма о религии СТИХИ ОМАР ХАЙЯМА О РЕЛИГИИ

Пью разноцветное вино
И слышу я то здесь, то там:
«Не пей вина, не пей Хайям,
Ведь враг религии оно!»
О, если так, я вам клянусь,
О, если веры враг вино —
Я кровью вражеской упьюсь,
Так по закону быть должно!

Безумно пьяного я видел старика.
Он мысли вытряхнул, как мусор из мешка,
И голова — легка, и под щекой — рука,
Но на устах — Аллах!.. Сколь вера глубока!

Благоуханных роз настала вновь пора,
Теперь и нам с тобой достать вино пора.
Чертоги, и чертей, и гурий, и геенну,
И болтовню про них забыть давно пора.

В божий храм не пускайте меня на порог.
Я — безбожник. Таким сотворил меня бег.
Я подобен блуднице, чья вера — порок,
Рады б грешники в рай — да не знают дорог.

В дни поста — в Рамазане — вина пиалу я испил,

Не сознательно я шариата закон преступил.
От мучений поста этот день показался мне ночью.
Мне казалось, рассвет наступил – я и пост разрешил.

В мечеть мне путь закрыт, на церковь я плюю –
Бог знает что Творец пустил на плоть мою.
Как девка гнусен я, как иноземец пью...
Нет веры, нет судьбы, местечка нет в раю.

В мечеть мы для себя добра искать пришли,
Но, Боже, не намаз мы совершать пришли.
Здесь как-то повезло украсть молельный коврик –
Он обветшал уже, так мы опять пришли.

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенье,
Глоток вина хлебнул – и прахом пост пошел.

В руках у нас то чаша, то Коран,
То праведность нам ближе, то обман.
Так и живем в подлунном нашем мире
Полугяуров, полумусульман.

В семидесяти двух, ученьях все подряд
О сущности Творца так много говорят!
Уж ладно б чепуху болтали меж собою,
Словами складными народ они дурят.

В чести невежество – вот что обидно мне;
Чем сердце отогреть, так и не видно мне...
Сменяю религию, зуннаром опояшусь:
В исламе – грешник я, в исламе – стыдно мне.

Видел утром я ринда; в пыли на земле он лежал,
На ислам, на безверье, на веру, на царства плевал.
Отрицал достоверность, творца, шариат, откровенье.
Нет! Бесстрашнее духа и в двух я мирах не встречал.

Вместо розы — колючка сухая сойдет.
Черный ад — вместо светлого рая сойдет.
Если нет под рукою муллы и мечети —
Поп сгодится и вера чужая сойдет!

Вновь про мечетей свет и про молелен чад,
Вновь — как пирует рай и как похмелен ад...
Одни слова, слова! Вот на Скрижали — Слово:
Там все расписано несчетно лет назад.

Вот удивительно: кто путь узрели Твой,
Те попросту никто в глазах толпы слепой.
Еще загадочней: кто верою проникся,
Тот за безбожие шельмуется толпой.

Где теперь эти люди мудрейшие нашей земли?
Тайной нити в основе творенья они не нашли.
Как они суесловили много о сущности Бога, —
Весь свой век бородами трясли — и бесследно ушли.

Давно уж рассвело. Ты что же? Эй, саки!
Ты, видно, страждущих забыл мужей, саки!
Что?.. О спасенье речь? Для чьих ушей, саки?!
Спасайся! Шептуна гони взашей, саки!

Дай благи, хаджа, хотя б немного нам:
Примолкни, чтоб разок расслышать Бога нам.
Мы вроде прямо шли, но ты так косо смотришь...
Иди лечи глаза. И дай дорогу нам.

День в день на Новый год — и Рамазан настал,
Поститься вынудил, как в цепи заковал.
Всевышний, обмани, но не лишай застолья,
Пускай все думают, что наступил Шаввал!

Держит чашу рука, а другая — Коран:
То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый —
Не кафиров совсем, не совсем мусульман.

Для верующих есть к двум Каабам пути:
Иль в Мекке Каабу, иль в сердце обрести.
Как по святым местам, иди от сердца к сердцу,
И каждое из них ста Меккам предпочти.

Доколе жаловаться мне, свое невежество кляня?
Я стал добычей стольких бед, что сердце сжалось у меня.
Теперь зуннаром повяжусь, стыдясь тяжелых прегрешений,
Стыдясь, что мусульманин я, я белого не вижу дня.

Есть много вер и все несхожи...
Что значат – ересь, грех, ислам?
Любовь к Тебе я выбрал, Боже,
Все прочее – ничтожный хлам.

Жить в порывах страстей не велит шариат,
Коль не чтишь шариат, не найдешь тарикат.
Все, что видит невежда в простом аскетизме,
То – не Истина. Только обман и обряд.

Закон незыблемый внушен сердцам людей,
Но сказано: «Ему покорствоваться не смей!»
Увы! Что делать мне с приказом и запретом:
«Ты чашу наклони, но капли не пролей!»

Здесь ристалище смерти, дорога невзгод,
Путь для тех, кто всегда лишь по вере живет.
Благородному надобно быть каландаром,
Чтоб бродягой идти без опаски вперед.

И вновь пыланье роз, ручей и поля край...
С одной-двумя-тремя игривыми играй!
Кто пьет вино с утра – потерян для мечети,
Зато не забредет в кумирню невзначай.

И минареты пусть, и медресе – падут,
Иначе каландар вотще вершит свой труд!..
Здесь веру ересью, здесь ересь верой чтут,
А божий человек не мусульманин тут.

Идол молвил: «О, жрец, почитатель ты наш,
Почему ты поклонник старательный наш?
Своему уподобил нас телу и лику
Тот из вас, кто творил нас, – ваятель был наш!»

Из ушедших никто не вернулся назад –
Тайны вечной завесы прилежно хранят.
Бытие прояснится в нужде – не в молитве,
Ведь молитва без веры – всего лишь обряд.

Как богословские ты вызубрил вершки!
Вот и запутался, где Бог, а где божки.
Начнешь молиться, лбом покрепче оземь трахни,
Чтоб наземь вытряхнуть мякину из башки.

Какое множество везде «друзей» Твоих!..
Мученье для меня – все поученья их.
Чем обогреться нам? Они как туча пыли,
Для солнца Твоего – просветов никаких!

Коль сегодня душа твоя в веру уйдет,
Вместе с Богом тебя заточение ждет.
Вздых, который посмеешь ты сделать без Бога,
Завтра пламенем жарким тебя обожжет.

Кому не по сердцу суровый шариат,
Тому и смысла нет мечтать про тарикат,
И уж тем более надеяться однажды
Увидеть Истину, освоив хакикат.

Кому случается до Божьих тайн дойти,
Того стараются презреньем извести.
Глядят христианин, еврей и мусульманин,
Как на заблудшего, на странника в пути.

Коран Всевышним Словом все верные зовут.
Коран читаю часто, но чаще – только чтут.
Ах, на краях у чаши яснее надпись есть –
И днем, и ночью наши уста ее прочтут.

Коран, что истиной у нас считают,
В пределах христиан не почитают,
В узоре чаши виден мне аят,
Его наверняка везде читают!

Корану мудрому — заслуженная честь,
Но нету времени, чтоб за него засесть.
На донце пиалы волшебный стих начертан,
Который надо бы еще разок прочесть!..

Кто жемчуга идей сверлили так и сяк
И про любой пустяк шумели: «Божий знак!» —
Начала нити тайн они не отыскали.
Потешили зевак. А там и дух иссяк.

Люди в поисках в мире повсюду снуют,
От неведенья слезы кровавые льют.
Не дано им подняться до тайны великой,
И в бессилье красивые басни плетут.

Люди веры проникли в высокую суть,
Недалеким туда не дано заглянуть.
И забавно ведь, что в постижении Правды
Часто видит народ еретический путь!

Мой кумир никому не являл чудный лик,
Но толпе не привяжешь досужий язык.
Она с жадностью басне нелепой внимает
Тех ханжей, кто к тиранству и сплетням привык.

Монастырей, мечетей, синагог
И в них трусишек много видел Бог.
Но нет в сердцах, освобожденных солнцем,
Дурных семян: невольничьих тревог.

Мудрецы размышляли и ночью, и днем,
И к Твоим лишь вратам шли все тем же путем.
Оказавшись в итоге в обидном бессилье,
Перестали сражаться с судьбою и злом...

Мусульманин, еврей иль язычник ты есть —
Жертвуй жизнью, чтоб душу до Бога донести.
Будь прямой, как стрела, в соблюдении веры!
Иль — лежать в колчане тебе скромная честь.

На небе новый месяц: Рамазан!
Никто не любит, и никто не пьян.
Забытые, в подвалах дремлют вина,
В тени садов подросткам отдых дан.

Нам в мечети твердят: «Бог — основа и суть!»
Мудрецы нас к науке хотят повернуть.
Но, боюсь, кто-нибудь вдруг придет и заявит:
«Эй, слепцы! Есть иной, вам неведомый путь!»

Нарушил Рамазан и днем я вдруг поел!
Не по незнанию, мой милый друг, поел:
Я света белого от мук поста не взвидел,
Подумал, это ночь, темно вокруг, — поел...

Не евши яблоч с дерева в раю,
Слепой щенок забился в щель свою.
А съевшим видно: первый день творенья
Завел в веках пустую толчею.

Не лучше ли за кубком тебе всю мысль отдать,
Чем тупо пред михрабом поклоны отбивать?
О первый и последний, о сущность всех существ!
Дай мне блаженство, муки, что сам захочешь дать!

Не спешите неверье мое осуждать —
Веры крепче моей в мире всем не сыскать.
И такой я один! Еретик ли я, Боже?
Так кого ж мусульманином можно назвать?

Не толкуй, что не щедр к нам на милости Бог;
Что ты знаешь — ничто, и молчи про зарок.
Столько юных существ, коих губы как сахар!..
Дать зарок?! Или нам мусульманство не в прок?

Не унывай, мой друг! До месяца благого
Осталось мало дней, – вас оживит он снова,
Кривится стан луны, бледнеет лик его, –
Она от мук поста сойти на нет готова.

Неправда, будто пост нарушил я затем,
Что рамазан презрел, забыл о нем совсем;
О нет, от мук поста я света дня не взвидел,
Подумал: ночь еще, я ранний завтрак ем.

Несовместимых мы всегда полны желаний:
В одной руке бокал, другая – на коране.
И так вот мы живем под сводом голубым,
Полубезбожники и полумусульмане.

Неужто б я возвел хулу на Божество!
Здесь не было сердец вернее моего.
Но если даже я дошел до богохульства, –
Нет мусульманина! Нигде! Ни одного!

О вере этот всюду речь ведет,
Тот возомнил, что истину найдет.
Боюсь, услышат голос: о, слепые!
Путь, право, – и не этот, и не тот.

О друг, наступает веселое время пиров,
Кувшины наполнить вином виночерпий готов,
Ошейник поста и узда лицемерных намазов
Спадают с загривка и морды у этих ослов.

О светочи ума! Ученый цвет земли,
Столпы обычаев, вы с факелами шли,
Но из пещерной тьмы не вывели наружу,
Нам сказок наплели, а сами спать легли.

О ты, шлифующий шагами небосвод,
О вестник Джебраил, был дивен твой приход!
Ты стал посредником меж разумом и Богом,
Когда, слугу Творца, узрел тебя народ.

О, свыше прозванный: Махмуд и Мохаммад!
Служение тебе превыше всех наград.
Тот не изведает глотка из кубка Смерти,
Кто был из твоего пригубить кубка рад.

Один – бегущим доверяет дням,
Другой – туманным завтрашним мечтам,
А муэдзин вещает с башни мрака:
«Глупцы! Не здесь награда, и не там!»

Одна рука – на Коране, другая – на чаше пиров.
То мы – благочестивы, то нет для молитвы слов.
Под этим мраморным сводом, в эмалевой бирюзе
Кто мы – мусульмане, кафиры? – Не ясно, в конце концов.

Однажды встретился пред старым пепелищем
Я с мужем, жившим там отшельником и нищим;
Чуждался веры он, законов, божества:
Отважнее его мы мужа не отыщем.

Пока медресе и мечети во прах не падут,
Дела мудрецов каландаров на лад не пойдут.
Покамест неверием вера, и верой неверье не станут, –
Поверь мне, средь божьих рабов мусульман не найдут.

Полно у казия и муфтия бумаг,
Весь Божий путь по ним обскажут, что и как, –
Так прежде я считал, в конце пути лишь понял:
Невежды, как и я. За кем я шел, простак!..

Прахом всех я клянусь, тех, кто в землю уйдет
Разве вера нужна, раз бесспорен уход?
Тех, кто в мире при жизни знал мало веселья,
На том свете о том сожаление ждет!

Пусть ханжи нас позорят, возводят хулу.
Вставши утром, на полную пиалу
Обменяем молитвенный коврик, а чашу
Со святою водой – разобьем об скалу!

Рабы застывших формул осмыслить жизнь хотят.
Их споры мертвечиной и плесенью разят.
Ты пей вино; оставь им незрелый виноград.
Оскомину суждений, сухой изюм цитат.

Разве сердце мое отобьется от рук?
О, саки! Сердце – море не выплеснуть вдруг
Суфий – полный невежества узкий сосуд,
Выпьет каплю вина, все затопит вокруг.

С моим неверьем лучше не шути,
Могучей верой ты его сочти.
Уж если я такой как есть – неверный,
То правоверных – в мире не найти.

Сверлильщики словесных жемчугов,
Искатели божественных основ,
Разгадки главной тайны не узнав,
Ушли из мира этого, потратив много слов.

Священный Коран – в деснице, а в левой – чаша пиров.
То мы – благочестивы, то нет для молитвы слов.
Под этим мраморным сводом, в эмалевой бирюзе
Кто мы – мусульмане, кафиры? – Не ясно, в конце концов.

Сделай мне хоть что-нибудь в угоду, ходжа,
В речи своей не лей ты воду, ходжа,
Прав я. – И даже ты, все видящий вкривь,
Вылечив свой взор, мне дашь свободу, ходжа.

Сердце, как в клетке, сжимается подчас.
Дух свой из плена бы позорного я спас,
Тело-темницу уничтожив, но увы! –
Стремя шариата тверже камня для нас.

Скоро праздник великий, Аллаху хвала!
Скоро все это стадо пропьется до тла:
Воздержанья узду и намордник намаза
Светлый праздник господень снимает с осла!

Смиренно, от души я в пост поклоны бил –
К спасенью своему полз из последних сил...
Молитву как-то раз я ветром опоганил,
Теперь глотком вина весь долгий пост сгубил.

Суфий, ищущий Бога и в холод, и в зной!
Ищешь где? Нет у Бога стоянки земной.
Если знаешь Его, то зачем же исканья?
Если нужен не Он – тогда кто же иной?

Таинственное чудо: «Ты во мне».
Оно во тьме дано, как светоч, мне.
Брожу за ним и вечно спотыкаюсь:
Само слепое наше «Ты во мне».

Так предписал Калам: мечусь туда-сюда.
Добро и зло – его, а я виновен, да?
Я не был здесь вчера; я и сегодня не был!
Но что Судье прочтут наавтра, в День Суда?!

Те, кто ложный имеют на Истину взгляд,
Те все ночи подряд лишь молитву творят.
Но зерно послушания лучше пред Богом,
Чем столетней молитвы ненужный обряд!

Тот – ревностный, а тот – с сомненьем пополам...
Путь веры для себя ты избираешь сам.
Однажды вдруг, боюсь, любой из нас услышит:
«Вы заблудились! Путь лежит ни тут ни там!»

Ты мрачен? Покури хашиш – и мрака нет;
Иль кубок осуши – тоски пройдет и след.
Но стал ты суфием, увя. Не пьешь, не куришь,
Булыжник погрызи – вот мой тебе совет.

Ты, муфтий, нас беспутнее подчас,
Мы во хмелю тебя трезвей в сто раз.
Пьешь кровь людскую, кровь лозы мы тянем, –
По чести: кровожадней кто из нас?

У аскета надежда на пост в рамазан,
У влюбленного ринда – на чашу и жбан.
Кто порадует Бога из них? – Неизвестно.
В разумении каждого – виден изъян!

Увы! Мое незнание таково,
Что я – беспомощный – страшусь всего,
Пойду зуннар надену, – так мне стыдно
Грехов и мусульманства моего!

Ушедший, хоть один, вернулся бы хоть раз,
Из-за покрова тайн принес тебе отказ:
«Коль в чем нужда у вас, так нужен не намаз...
И что был за намаз? Так, для отвода глаз».

Хоть грешен и несчастен я, хоть мерзостен себе я сам,
Но не отчаиваюсь я, в кумирню не бегу к богам,
С похмелья полумертв с утра – встаю, иду я, как вчера,
К красавицам, в питейный дом, а не в мечеть, не в божий храм!

Хоть иудеем ты, хоть правоверным будь,
Все это внешнее. Душе важнее суть.
Коль ты прямой стрелы – лети в любую веру!
А если крив, как лук, – куда?... В колчан заткнуть?

Черепок кувшина выше царства, что устроил Джам.
Чаша винная отрадней райской пищи Мариам.
Ранним утром вздохи пьяниц для души моей священной
Воплей всех Абу Саида и молитв, что пел Адхам.

Что мне троны султанов? Что мне их дворцы и казна?
Не нужна мне чалма из касаба, мне флейта нужна!
Звук молитвенных четок – посланников рати обмана
Отдаю я сполна за вечернюю чашу вина.

Что не стыдишься низкого разврата,
Отказа от запретов шариата?
Весь мир себе, допустим, заберешь –
Но все ж его оставишь ты когда-то...

Шавваль пришел. Вино, глушителя забот,
Пусть виночерпий нам по чашам разольет.
Намордник строгого поста, узду намазов
С ослиных этих морд благой Шавваль сорвет.

Эй, суфий-простачок! Ты Божество зовешь.
Но Бог и там, и тут. Отколь Его зовешь?
Коль ты с Ним заодно, тогда с чего зовешь?
Коль ты с Ним не знаком, тогда кого зовешь?

Этот отрок-кафир меня хочет убить,
Меч – разлука с собой – это лучше, чем жить.
Эти юноши к вам принесли свой обычай –
Мусульман за Ислам, где придется, казнить.

Я в мечеть не за праведным словом пришел,
Не стремясь приобщиться к основам пришел.
В прошлый раз утащил я молитвенный коврик,
Он истерся до дыр – я за новым пришел.

Я несчастен и мерзок себе, признаюсь.
Но не хнычу и кары небес не боюсь.
Каждый божеский день, умирая с похмелья,
Чашу полную требую, а не молюсь!

Я несчастен и мерзок, подвержен грехам,
Только жертв приносить не намерен богам.
Коль с похмелья трещит голова по утрам,
Верный кубок излечит меня, а не храм.

Я спал в Неведомом. Сказал Ты: «Встань! Иди!» –
И мир волнующий раскрылся впереди.
Иду, напутствием Твоим ошеломленный.
Ведь как оно звучит: «Склонись! Не упади!»

Я суеверно идолов любил.
Но лгут они. Ничьих не хватит сил...
Я продал имя доброе за песню,
И в мелкой кружке славу утопил.

Я утро каждое спешу скорей в кабак
В сопровождении товарищей-гуляк.
Коль хочешь, господи, сдружить меня с молитвой,
Мне веру подари, святой податель благ!

Омар ХАЙЯМ. Goşgular